Когда мелеет Амударья

В Приаралье продолжает наполняться Сарыкамышская впадина. Сюда вот уже несколько десятилетий сбрасываются с полей коллекторные воды — соленые, высокоминерализованные. Их накоплено аж 26 кубокилометров. Большое озеро, но меньше Арала. Про Арал ученые говорят: чтобы восстановить его до уровня 1960 года, когда объем был более тысячи кубокилометров, надо четверть века вливать в него по два Сарыкамыша. Это нереально. Нереальна и Программа конкретных действий в бассейне Аральского моря, принятая в 1994 году на уровне президентов. Если и дальше, как сейчас.

Союз НАТО, Москвы, Нукуса и Ташкента

Условием ставилась подача в Арал восьми кубокилометров в год, а в идеале — двадцати. Оно не выполняется. Сегодня о перспективах Приаралья региональных политиков лучше не спрашивать, ведь чтобы прогнозировать, надо знать, что там. А научные исследования из-за безденежья свернуты. Отдельные направления профинансированы в девяностые годы в рамках ряда зарубежных программ. Худо, что в начале XXI века никто точно не знает объемов Арала. Площадь еще можно посчитать по космоснимкам. А замеры воды берутся лишь из одной точки на мысе Актумсык. Восстановили пост на берегу Арала узбекские специалисты, но делается это лишь во время экспедиций.

Можно по-разному относиться к тому, что ученые за финансированием обратились в программу НАТО “Наука — ради мира”. Но за 1995-1998 годы программа поддержала в Приаралье несколько небольших проектов. Потом объявила конкурс. Ученые подали заявки на решение научно-практических задач. Так и сформировался большой проект, в котором пунктом один — мониторинг Аральского моря с получением информации по объему, уровню, солености, биологии, процессам на обсохшем дне. Еще один подпроект — исследования опустынивания и биоразнообразия в дельте Амударьи. Есть и другие. А вся пятичастевая работа называется довольно мудрено: “Устойчивое развитие в сфере охраны окружающей среды, земле- и водопользования путем создания центра геоинформационных технологий и космосъемки в Каракалпакстане”.

Участвуют в нем ученые Москвы, Нукуса, Ташкента. Поддерживает — правительство Каракалпакстана. Итоги будут подведены в 2004-м. Но и в середине проекта исследователям есть что сказать, особенно тем, кто помнит шоколадную Аму.

“Слои” подсказывают

Москвичи из академического Института водных проблем продвинулись в создании “Эколого-географической базы данных по Южному Приаралью”. Это их часть проекта. Копить данные начали лет пятьдесят назад. Тогда следовало определиться с прокладкой главного туркменского канала. Начали геологическую съемку по старому руслу Узбоя, заодно изучая обвальные и просадочные процессы. Спрогнозировали, что пресные воды размоют здесь толщу гипсов, почвы засолятся, начнутся просадки и карсты, пострадают пастбища.

Этот ли прогноз повлиял или возражения социологов, указывающих на безлюдье, но в итоге стройка развернулась южнее. А исследования ученые института продолжили, собирая данные для первой ландшафтной карты Приаралья. Когда в помощь появились снимки из космоса, учились их дешифровать. Сначала информацию исследователи собирали на бланках, затем на перфокартах, наконец, в компьютере.

Он многое “помнит”. Например, как появлялись нарушенные земли вдоль трубопроводов: когда их прокладывали, дорог не было, и машины колесили, где придется. Результатом

стали просадки, а в районе Сарыкамыша — провалы, карстовые и суффузионные воронки. В памяти компьютера находятся и данные восьмидесятых. Тогда на осушенном дне Аральского моря изучали прирусловой вал, предполагая, что несет опасность пыльных бурь. И точно, сейчас вал расчленяется, бугры выше, котловина глубже, и пыль поднимается при легком ветерке.

Та первая ландшафтная карта так и не была издана. Но собранные материалы — а мониторинг ученые из Института водных проблем вели каждой весной и осенью и после распада Союза — стали подспорьем при создании базы данных по Южному Приаралью. Частью ее стала ландшафтная карта на 2000 год. О ней уже можно говорить, как о факте. Хотя до типографии и тут пока не дошло, но компьютерная версия представлена на презентации в Нукусе.

У нее шесть “слоев”: рельеф, подземные и поверхностные воды, почвы. Еще один “слой” отражает степень агрессивности ландшафтов для человека. Какова степень достоверности? Отправляясь по маршрутам в сезон 2000 года, ученые проехали и прошли сотни километров, ориентируясь на легенды — предварительные карты, составленные на основе прошлых наблюдений и космоснимков. Но требовались уточнения, ведь из космоса солончаки и такыры не отличить, не определить из космоса и засоленность обводненных участков, виды растительности.

Хотя работа и была похожа на ту, что выполнялась раньше (поле, машина, нивелирование, фотографирование), на этот раз в рамках натовского проекта ученые вооружились девятью импортными приборами, определяющими координаты человека на местности с точнейшей привязкой к карте. Вот и засекли, что и где. Чтобы оценить, какую практическую пользу имеет эта работа, посмотрим реактивный “слой”. Тут агрессивность ландшафтов для человека показана по принципу светофора. Красным окрашено обсохшее дно Арала — здесь огромные массивы песков. Опасна и пустыня Ак-Петке, наступающая на оазис. Два потока, выходящие из озера Судочье, закрепляют пески, но и тут тревожащий цвет — образуются солончаки. Видим. А дальше что?

Дальше — старая осушка. На дне морском — ковер растительности. Здесь — пастбища. Здесь геологи в поисках газа бурят скважины, накатывают дороги. И чабанам, и геологам надо бы использовать карты и избегать “красного”, хорошо бы и управленцам с экологами почаще заглядывать в них, ведь на осушенном дне Арала образуется новая дельта. Если потоки рационально разместить, можно развивать животноводство и помочь завестись кабанам-фазанам.

Что на пастбищах, в полях?

В старой дельте фиксировалось до 230 видов растительности, а сейчас 160 — так по итогам полевых исследований биоразнообразия. Они включены в “Эколого-географическую базу данных по Южному Приаралью” и доступны сегодня как ученым, так и практикам. База данных передана нукусскому ГИСцентру. В обязательном порядке он будет обеспечивать информацией лиц, принимающих решения, а еще создавать новые “слои” — по дельте, по тугаям, облицовке каналов, заболеваемости населения, социально-экономическим условиям, динамике изменений…

Что говорит ГИС (географо-информационная система) о перспективах для Южного Приаралья? Их определяли не только исходя из современных данных, но и столетней давности.

В начале XX века исследователи разделяли Каракалпакстан по водообеспеченности на пять районов. В Тамдыкском, там, где устье и многоводно, основным занятием было рыболовство. Хлопок по распространенности сильно отставал от зерновых и люцерны, и его не рекомендовали переселенцам из царской России. Лет через тридцать

перспективность определяли из интересов новой власти. Первые места по-прежнему занимала люцерна — семена ”хивинских” сортов экспортировали в США. Для очистки семян в Нукусе построили завод. Но потом его приспособили под мелькомбинат, а люцерну утратили. Утратив люцерну, обогащающую землю азотом, потеряли и в зерновых.

В шестидесятые годы огромные пространства в Приаралье занимали тростники. Предполагалось построить под это сырье бумажную фабрику, ведь продуктивность сухого тростника с одного гектара достигала 40-50 тонн, а общая площадь тростниковых пастбищ и сенокосов в дельте превышала полмиллиона гектаров. Но резко на убыль пошла Амударья, а в дельте — озера, изменилась и структура сенокосов, поредел тростник. Сейчас продуктивность его на гектаре в два-три раза ниже прежней. А площадь съежилась раз в пять. Бумаги не делать. Но животноводство — развивать. Это — рекомендация ученых, хотя очевидно, что и с пастбищами есть проблемы.

Когда-то великолепные летние пастбища на Устюрте и зимой были хороши. Теперь о прежних колодцах остались лишь воспоминания и о зимних выгулах на устюртской территории Каракалпакстана тоже. Тучные стада паслись и в Кызылкумах — до зарегулирования Амударьи здесь росли более влаголюбивые виды растительности, чем нынче. Нынче овцы кормятся карганом, терескеном, марью, отстающими и по продуктивности, и по кормовой ценности.

Сейчас нужно сохранить то, что имеем. Что на полях? От хлопка, собранного с гектара меньше двадцати центнеров, — одни убытки. Хорош “узбекский” сорт, растущий и без полива во время вегетации. Но он не любит песчаные грунты, уважая глинистые почвы и суглинки. Надо бы исследовать, где его сеять.

В 2000 году в Каракалпакстане посеянный на 126 тысячах гектаров хлопчатник, требующий полива, на 69 тысячах не был полит ни разу. Риса дехкане посеяли в два раза меньше плановых заданий Минсельводхоза, всего на 56 тысячах гектаров, и на 48 тысячах из-за нехватки воды урожай погиб. Больше всего пострадали районы в Южном Приаралье — Муйнакский, Тахтакупырский, Караузякский, Бозатауский, Шуманайский. В 2001-м — сходная картина. Каждый четвертый гектар хлопчатника не был полит ни разу, хотя сажали куда меньше прежнего. Рис занимал в автономной республике менее полусотни тысяч гектаров — и на 80 процентах площадей рис посох. Это объяснимо: от тех объемов воды, что надо, имели слезы

Между “оптимизмом” и “пессимизмом”

Без воды будущее немыслимо. Особые надежды возлагаются на дельту. Сохраняя и

расширяя систему озер-польдеров-ветландов, можно достичь ряда целей: от смягчения климата до развития охоты и рыболовства, обеспечения людей работой.
Прогнозированием — чего ждать при различной подаче водных ресурсов – заняты в рамках натовского проекта ташкентские специалисты Научно-исследовательского центра Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии — НИЦ МКВК. Рассматривают три варианта поступления воды в Южное Приаралье. Пессимистичный сценарий — это как сейчас и хуже, согласно тенденциям за последние годы. Оптимистичный предполагает внедрение водосберегающих технологий в государствах бассейна Аральского моря, подачу воды по нарастающей. Ну а промежуточный — между тем и другим. Каждый сценарий — это цепь из двадцати позиций. Учитываются поступление воды, ее минерализация, испарения, площади, занятые тростником и озерами, транспирация, отток в Арал…
Надо сказать, что узбекские ученые изучали возможность защиты прибрежной зоны еще с начала восьмидесятых годов, и узнали о многом. О том, что 60 процентов всех испарений происходит в водоемах с июня по август, а за год испарения забирают у них до 1,1 м толщи воды. О том, что немало воды забирает тростник, и транспирация тем больше, чем больше тростника. Он забирает чистую воду, а соли стекают в Арал. Известно и о том, что оптимальная минерализация в водоемах — пять граммов солей на литр. В таких пределах возможен нерест рыбы, нагул же может быть и при пятнадцати. Зато при двадцати гибнет не только рыба, но и тростник.
Что нужно птицам? Тростник, рогоз, плесы. Что нужно ондатре? Ее добывалось в этих краях в год свыше миллиона экземпляров. В прежних объемах ее не восстановить, но можно сохранить ту, что осталась, если колебания уровней в озерах не превысят полметра.
Выводя кривые обеспеченности водой на перспективу, ученые НИЦ МКВК опирались и на старые, и на новые данные. Их дала паспортизация расходов воды и ее качества по всем каналам, озерам, водным объектам и гидротехническим сооружениям Южного Приаралья. И вот что удалось смоделировать. Если оправдаются наилучшие ожидания, будем иметь здесь 420 тысяч гектаров постоянно затопленных земель и полмиллиона гектаров под переменными водоемами. Если оправдаются наихудшие ожидания, то постоянно затопленных земель будет 150 тысяч гектаров, а время от времени, с перебивкой до десятка лет — 170 тысяч. Промежуточный вариант: 240 тысяч гектаров будут затоплены постоянно и триста тысяч — с перерывом в два года.
Сердцем всех трех вариантов должно стать Междуреченское водохранилище. Отсюда вода пойдет в озера — Муйнакское, Рыбачье, Джелтырбас и дальше в Арал. Впрочем, до сих пор о Междуречье трудно говорить как о водохранилище. Это неглубокое водопонижение между двумя рукавами Амударьи, а емкость его — около 0,2 кубокилометра. Летом 2001-го в нем не было ни капли влаги. Хотя и имеются примитивные гидротехнические сооружения и примитивная дамба, они не пригодились. А вот как планируется: увеличить объем водохранилища в четыре раза.
Ученые пока не знают, сколько по каждому из сценариев удастся подавать воды в Арал. Как известно, в 60-е годы сток из Амударьи в Арал был 35 кубокилометров. Теперь недостижим. Максимум в самый многоводный год за последние двадцать лет составил 29 кубокилометров. И он труднодостижим. Реальны 11, 8, 5, 4 кубокилометра. Но ученые изучают и самый худший вариант: что произойдет, если не делать ничего. Опасаются, что тогда каждый год нас ждут те же проблемы, что и в маловодье.

Иксы и игреки вододеления

В разгар лета 2001 года Амударья в своем нижнем течении по территории

Каракалпакстана несла 22,7 процента от общего лимита, установленного весной на заседании Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии. Что значат эти проценты от невеликих объемов, выделявшихся низовьям с учетом маловодья?

Аму ниже Тахиаташа — это ленивая, неспешная речка, спокойно перебредаемая скотиной. Не быстрая, не многоводная и не шоколадная. И раньше она была непредсказуема, а теперь и подавно. Русла, как прежде, не меняет, но зато потери в реке ненормальные. Специалисты разводят руками. Деля воду в начале сезона, они использовали годами проверенные методики: “Вот прогнозные объемы, а вот какую часть составят естественные потери на испарение и фильтрацию”. Теперь потери растут в арифметической прогрессии.

В жаркую пору Амударья с туркменской территории должна была принести 22,8 кубокилометра, но в Каракалпакстане распределяли на шесть кубокилометров меньше. Где запропали? Русловые потери начали расти с 1992 года. Но резкое их увеличение зарегистрировано в маловодье 2000-го. “Что тут от человека, а что от природы?” — гадали тогда. В апреле следующего года члены Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии решили, процитируем документ, “поручить БВО “Амударья”, НИЦ МКВК совместно с гидрометслужбами, Минводхозом Туркменистана и Минсельводхозом Узбекистана организовать работу по уточнению русловых потерь по реке Амударье”.

Для начала учли, что изменились природные факторы по сравнению с ними же пятнадцатилетней давности.

Тогда ученые установили четкую зависимость потерь в реке от русла, мутности, скорости течения. К слову, в Сырдарье фактора мутности нет, а вот для Аму он важен: тут поток влияет на русло и русло на поток. Расчеты по формуле естественных потерь попадали тютелька в тютельку. Ну а затем случились большие перемены на геополитическом поле. Страны в бассейне реки стали независимыми, изменили режим водохранилищ, а заодно и режим реки.

Идет не та глинистая масса, что прежде, вот вода и фильтруется. Падает скорость — растут фильтрация и испаряемость. Эти догадки специалистов к делу не пришьешь, при дележе воды на них не сошлешься. Нужны свежие данные. Но запланированные совместные исследования так и не были проведены. Выехали в экспедицию лишь представители с узбекской стороны. И их наблюдения касаются только узбекской части реки, где также резко выросли потери. Здесь почему?

Беды… от зарегулирования

Ощутимо влияние Туямуюнского водохранилища. Строилось оно для сезонного регулирования, чтобы был сток в Хорезм, Ташауз и Каракалпакстан. Название “Туямуюнское” относится как к русловому, так и к трем наливным водохранилищам, включая Капарасское для питьевой воды.

По норме, к началу большой воды водохранилище должно быть сработано. Тогда вода будет идти на низких уровнях, мутная, как и положено, донося до полей плодородный ил. Осветленная этого достоинства не имеет. Если держать все время воду на больших отметках, то как раз и пойдет в реку осветленная вода, больше фильтруясь, да еще и размывая русло. Обычно в маловодье действует второй вариант, воды ведь к Туямуюну подходит мало, сколько есть — столько и накапливается. Уровень в русловом водохранилище очень важно повысить, чтобы заполнить питьевое Капарасское. При этом ограничивается подача воды низовьям. Почему все это делается летом? Потому, что по качеству вода в июле-августе лучше, чем осенью и зимой.

Но в 2001 году и второго варианта не имели. А был третий. Туямуюн, спустив весной запасы на промывку земель, стоял практически пустым. Почему? Есть несколько причин. Предвидя маловодье, вероятно, не следовало спускать всю воду на межвегетационные промывки. Но раз уж такая трудная ситуация сложилась, могли бы помочь верховья. Однако Нурекское водохранилище, а оно было заполнено в июне-июле 2001-го почти на кубокилометр больше, чем в планах МКВК, не согласилось отдать резерв низовьям — таджикские гидроэнергетики копили запасы на зиму. Это пример нестыковки межгосударственных интересов.

А вот образчик неуправляемости на местах. Среднее течение, в частности, Сурхандарья и Кашкадарья, никак не поддавались на требования МКВК и БВО “Амударья” сократить забор воды. Говорят, рекой управляли хокимы — взяли, сколько хотели. Земледельцы этих областей отличились тем, что посеяли рис, хотя грунты тут не “рисовые”, и маловодье для экспериментов — время не подходящее. Они и многие другие брали лишнюю влагу из страха, что не хватит.

Кому действительно не хватило, так это низовьям. Жарким летом в Муйнакский район Каракалпакстана Амударья не пришла. Волей-неволей возникает вопрос: зачем тогда водохранилища?

Аналогичный вопрос возникает у многих в мире. Поэтому по инициативе Всемирного банка и Всемирного совета охраны природы в конце века была создана Всемирная комиссия по плотинам для оценки роли больших плотин в экономическом и социальном развитии. В ноябре 2000 года она выпустила отчет, вызвавший в мировом сообществе как искреннюю поддержку, так и яростное неприятие. Поскольку касается и наших проблем, посмотрим, что в нем.

Спорные плотины

Основные выводы комиссии следующие: “Степень достижения целей, изначально поставленных перед гидротехническими проектами, сильно варьируется от проекта к проекту. В большинстве случаев экономические и технические цели не достигнуты”.

А теперь процитируем выжимки из отчета.

…Большие плотины, предназначенные для орошения, как правило, не дали ожидаемых материальных результатов, не возместили затраты и с экономической точки зрения были менее выгодными, чем ожидалось. Большие плотины для производства электроэнергии обычно дают результаты, близкие к ожидаемым, но все же ниже их. Большие плотины, построенные для муниципального и промышленного водоснабжения чаще всего не достигают целей по срокам и объемам поставки воды, не эффективны с точки зрения возмещения затрат и отличаются низкими экономическими показателями.

Большие плотины, возведенные частично или преимущественно для защиты от наводнений, как правило, выполняют свою функцию, но привели в ряде случаев к большей уязвимости от наводнений в связи с плотным заселением районов, подверженных наводнениям. В некоторых случаях увеличился урон от наводнений, в том числе и из-за плохой работы плотин. Большие плотины многоцелевого назначения тоже дают результаты ниже ожидаемых, в некоторых случаях разница между их реальными и плановыми показателями даже больше, чем у плотин одноцелевого назначения. Это указывает на то, что ожидаемые результаты были слишком оптимистичны…

Воздержимся от комментариев применительно к Центральной Азии. Посмотрим, какие проблемы возникают в мире при старении плотин: чем старше, тем опасней, тем больших средств требуют. И на очистку от ила — тоже. Где только не страдают от заиления! Но, судя по отчету комиссии, оно особо ощутимо в низовьях рек и в водохранилищах с малым объемом.

Эксперты международной комиссии изучили и воздействие плотин, водохранилищ на экосистемы: во многих случаях они привели к существенной и невосполнимой потере биологических видов и экосистем. “Миллионы людей, живущих в низовьях рек, перегороженных плотинами, и особенно тех, кто зависит от пойменных ресурсов и рыболовства,- цитируем отчет, — существенно пострадали, а будущая продуктивность природных ресурсов в этих районах оказалась под угрозой!”
Ну а теперь мы подходим к резюме экспертов: ”Хотя плотины приносят много выгод, но во многих случаях для сохранения этих выгод необходимо заплатить цену, которая неприемлема и часто не необходима”. На будущее комиссия предложила усложненную систему принятия решений о строительстве. Прежде следует достичь общественного согласия, оценить варианты, решить проблемы существующих плотин, поддерживать реки и живую природу, обеспечить распределение воды трансграничных рек…
Этот пункт по дележу воды и дисциплины в исполнение решений МКВК и БВО сейчас в нашем регионе краеугольный. Нет дисциплины — все нелицеприятные оценки международной комиссии по плотинам и водохранилищам относятся и к нам. Утрата управления стоком Амударьи привела к плачевным результатам.
Что на полях, мы сказали, а вот что в озерах. В нынешнем году практически все озера Приаралья потеряли свое рыбохозяйственное значение. Минерализация выросла даже в таком многоводном ранее озере как Дауткуль. С весны до осени воды в Арал по Аму не поступило ни капли.
Что делать, чтобы изменить ситуацию, когда на реке каждый — “сам с усам”? На заседаниях МКВК раз за разом говорят, что нужно договариваться на уровне правительств. Стоит организовать жесткий многоступенчатый контроль за расходами воды по реке и водозаборами, в котором бы участвовали бассейновые водные объединения, гидрометслужбы Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, министерства сельского хозяйства. Контролировать станет проще, если расход воды на основных створах и водозаборах замерять не дедовской рейкой, а электронной системой СКАДА. Кстати, на Сырдарье ее образцы, управляющие и водоподачей, действуют. На этой реке маловодье-2001 не заметили, ведь решения МКВК и БВО здесь выполнялись.

Приаральский экстрим

Стиральный порошок на Нукусском базаре продают стаканами, как семечки. Чужаку это может показаться местной достопримечательностью. На самом деле это показатель доходов. На селе они еще ниже. По статистике в Каракалпакстане самый низкий уровень оплаты труда в сфере материального производства — в сельском хозяйстве. Тут заработки составляют чуть больше половины от среднереспубликанских.
Первая мысль о воде: все из-за нее! Но, судя по статданным, ее нехватка лишь одна их причин низких доходов. Есть другие, например, выход из строя сельхозтехники. В 2000 году “по возрасту” было списано 852 трактора, больше сотни зерноуборочных комбайнов и столько же хлопкоуборочных машин, больше полутысячи тракторных прицепов, под триста тракторных плугов и триста грузовых автомобилей. Но в 2001-м сельхозтехника продолжала сокращаться в том же темпе.Не зарабатывают хозяйства денег, вот и не покупают. Это для многих типичная картина. Автор этих строк, колеся по местным дорогам, видел и нетипичную. Километрах в пяти друг от друга они выглядят ну очень контрастно: аул Мулик и нетипичный ширкат “Тахтакупыр”. Сперва посмотрим, как в ауле. Он специализируется на животноводстве. Овец тут было до ста тысяч. Но в зиму 1993-го — со снегом и гололедом — случился падеж, и сейчас в отарах около пятнадцати тысяч овец. Малое предприятие по переработке кожи не загружено. Люди уходят на заработки в соседний Казахстан. Таких — человек четыреста при населении около шести тысяч.

Семьи большие и прокормить их трудно. Пару раз за полгода сюда доставлялась международная гуманитарная помощь для самых бедных, которых выбирали по очереди. Если в семье до шести человек, давали мешок муки, от семи до десяти — полтора мешка, более десяти — два мешка. Растительного масла полагалось от трех до восьми литров, и всем семьям из списка наибеднейших — по три кило сахара.
Осенью 2001 представитель ПРООН побывал в Тахтакупырском районе накануне очередной гуманитарной акции. Мы встретились с ним в райцентре. “В список, — сказал он, — районный хокимият включил 217 семей аула. Мы хотим знать, нуждаются ли они на самом деле”. Наши цели совпадали, мы методом тыка выбрали несколько адресов и прошлись по ним. Что сказать? Этим семьям помощь и вправду нужна. Работы нет, и на огород нечего рассчитывать. Вода ушла вглубь до полутора десятков метров. Достать ее можно разве что для питья, и за то спасибо мировому сообществу. Оно за два маловодных года поставило сюда больше трех десятков насосов-качалок. Но из ряда скважин идет соленая вода, и многим жителям аула ходить до “пресных” качалок далеко. А там еще и в очереди настоишься. В общем, огород не возделать…
С духовной пищей тоже перебои. В ауле все сильней изоляция от мира. Радио и телевизоры есть не у всех. Да и прессу почти не читают: у районной газеты тираж — двести-триста экземпляров, выходит не каждую неделю. Так что основные новости передаются из уст в уста. Так — про международную гуманитарную помощь, так — про материальную поддержку правительства Узбекистана. Ее по постановлению Кабинета Министров оказывают малообеспеченным семьям, проживающим в районах, пострадавших от маловодья. А к началу учебного года многодетные малообеспеченные семьи получили временные надбавки к пособиям, получили трехмесячные надбавки и пенсионеры, проживающие в малообеспеченных семьях.
В ауле Мулик люди слышали о поддержке правительством малого и среднего бизнеса по тому же постановлению: “Обоснуй в бизнес-плане шаги по созданию новых рабочих мест — и коммерческие банки, внебюджетные фонды в приоритетном порядке выдадут микрокредит. Без залога, под гарантию органов самоуправления они же выделят дехканским хозяйствам льготные микрокредиты до ста тысяч сумов на закупку кормов”… Есть такие, кто может составить бизнес-план, и такие, кто придет за кредитами. Но их — единицы. Трудно объяснить, почему.

К подсолнухам — маслобойня

“Хоть горшком назови, только в печь не сажай” — эта поговорка применима к ширкату “Тахтакупыр”. За десять лет на этом месте сменилось пять структур. После совхоза были арендное хозяйство, сельхозассоциация, акционерное общество закрытого типа. “Если хозяйство убыточно, то никакая новая форма не поможет”, — считает глава ширката

Агатай Адылов.

Можно работать не убыточно? Да он все годы так и старался, начиная более тридцати лет назад, когда назначили директором совхоза. Впрочем, принимал рисоводческий совхоз с убытками. Но стал внедрять безнарядную систему, бригадный и семейный подряд, ввел доплаты и премии — и люди стали сюда приезжать. Жили тут поначалу семь десятков семей. Сейчас куда больше: через год-другой население достигнет пяти тысяч человек.

“Сначала дали нам план на тысячу гектаров, потом увеличили. Мы принимали всех, кто приезжал, помогали обустраиваться. Когда прекратилось финансирование из госбюджета, построили кирпичный завод. На нем выпускаем жженый кирпич и камышитовые плиты. Своя стройбригада каждый год вводит по пять-шесть коттеджей. Молодым семьям и малообеспеченным — жилье бесплатно. Продаем кирпич и за пределы хозяйства: строился в райцентре колледж — брали наш кирпич, на новую школу в соседнем хозяйстве — тоже. Мощность завода — миллион штук. Мы делаем в год половину, хотя можно и больше, если вырастет спрос. С сырьем — без проблем, месторождение глины находится рядом. С чем бывают проблемы, так это с газом: из-за перебоев с его подачей нарушается технология”.

Она была нарушена и на полях. С хлопком получилось так. Часть земли поливали один раз, тут урожайность 16 центнеров с гектара, там, где смогли полить два раза, урожайность 24 центнера, до дальних участков вода не дошла — и вызрел хлопок на гектаре по 5-6 центнеров. Но в среднем есть по двадцать. Как смогли, когда у соседей пусто? Хоть воды и не хватало, но вносили удобрения, проводили рекультивацию, была трудовая дисциплина.

Вон Мулик, а вот “Тахтакупыр”, они даже визуально отличаются. Тут — порядок. Техника стоит в ряд, отремонтирована. Кирпичный завод действует как положено. Рисорушка не работает, но это потому, что рис не сеяли из-за маловодья. Зато впервые посеяли подсолнечник на девяноста гектарах. Повлияло то, что поливать его надо всего раз, перед посевом. Поначалу поле было в два раза меньше. А когда погибла пшеница, расширили.

“Пшеница принесла сорок миллионов сумов убытка, ведь потратились на семена, удобрения, рекультивацию, горюче-смазочные материалы, зарплату…. Не хотели ее сажать, ведь и от посева 2000 года ничего не получили, но на нас сверху нажали. Мы могли бы сохранить эти миллионы. Как будто тот чиновник из района ответит за наши убытки!” Так говорят в ширкате.

Засевая поле подсолнечником, одновременно стали возводить маслобойню. В первый год она не окупилась: нескольких десятков тонн семечек при ее мощности маловато. А вот на будущий год поле под подсолнечником увеличат до трехсот гектаров, что-то подкинут и соседи. Тогда ожидаемый результат — в полтораста тонн масла, что и затраты покроет, и дивиденды принесет.

Кстати, дивиденды стали получать с первого года, как преобразовались в ширкат. Собрав хороший урожай, на них люди и дома строили, одежду, технику приобретали. Да и банк, который ширкатное хозяйство открыло, их выплачивало.

В маловодье выручают прежние накопления. Ими и покрываются убытки. Как будет дальше? Нормально, если давить сверху не будут. Подсолнечник расширять — одна перспектива, люцерна — другая. Ее стали выращивать здесь еще в конце восьмидесятых, когда взялись за животноводство. Вот и потребовались корма. Сначала выращивали люцерну на семена для себя, потом на продажу и довели до тридцати тонн. В этом году получили очищенных, кондиционных семян в три раза меньше: пару лет ни одного люцернового поля не поливали, что выросло, то выросло.

Что будет с животноводством? Оно тут не хилое — коров восемьсот голов. Разнарядки по сдаче молока и мяса ширкат выполняет. Да только Нукусский молокозавод плохо рассчитывается. Поэтому решили строить свой мини-цех по переработке молока, благо, на ферме действует артезианская скважина и три таких же есть в полях. Хозяйство становится все многопрофильней. Выгодно отличает “Тахтакупыр” и то, что газ есть во всех домах, водопровод, тротуары, как в городе проложены, телевышка на свои деньги построена. В общем, хоть и тут не просто, манна небесная не падает, но можно жить и работать.

Жалко беззубых

Кому как, а мне жалко беззубых женщин. Баян Сулейманову я спросила о возрасте — она не захотела отвечать, выдал пацаненок. Еще нестарая, а получается в ее жизни по песне: “Если я заболею, к врачам обращаться не стану”. Вставить зубы — услуга платная. Нет доходов — нет зубов. Проблема еще сложней, если нужна ультразвуковая диагностика. В Тахтакупырском районе с населением в 44 тысячи человек нет ни одного аппарата УЗД. Беременных женщин Центральная районная больница отправляет обследоваться в Нукус. Да и не только им надо обследоваться. На первом месте по распространенности в районе — анемия, а рядышком — болезни почек. Нукус же находится от тех, кому нужна помощь, за сто километров.

Нельзя винить врачей райбольницы в том, что мало сопереживают. Они пишут письма в Минздрав Узбекистана, докладывают: “Есть старый аппарат искусственной вентиляции легких, надо хотя бы еще два. Для недоношенных детей есть один кювез, надо еще хотя бы один. Есть на больницу один кардиограф и старый рентгеновский аппарат, этого мало на район, да и пленки не хватает. Нужны фиброскопы, электроотсос, электрокоагулятор, детский кардиомонометр, микроскоп”. Больница в несколько этажей вполне презентабельна, сюда бы еще аппаратуру…

Международная организация “Врачи без границ” помогает туботделению. Хотя само отделение существует с 1988 года, но заболеваемость туберкулезом растет — на учете свыше трехсот человек. На краю райцентра на пустыре построено здание для пункта ДОТС, муфельная печь, туалеты, поставлены в лабораторию микроскопы, реактивы. “Сперва проверим контактных лиц, потом медиков, педагогов, торговых работников”, — говорят врачи. Постепенно за два года пройдут проверку все жители района.

Бог в помощь

Многое лучше видится на местах, ну а большое видится на расстоянии. Скажем, идет снизу экстренная информация о том, что в маловодье надо бурить скважины питьевого водоснабжения. Но скважин в прежние годы было пробурено порядком, и в Ташкенте

принимают решение: проинвентаризировать. И вот какая в итоге складывается арифметическая задачка: всего скважин питьевого водоснабжения в Каракалпакстане 135, из них дают воду чуть больше полусотни. Примерно столько же скважин смогут давать воду после восстановления. А еще на 29 рассчитывать нечего — восстановлению не подлежат. Что с ними случилось?

За ними ухаживать надо, ремонтировать. Прежде готовые скважины передавались гидрогеологами на баланс заказчикам — колхозам и совхозам. И тогда, бывало, они эксплуатировались кое-как. А теперь чья это собственность и чья ответственность?

В маловодные годы принимались специальные постановления правительства Узбекистана по смягчению последствий беды. Упомянуты в них и скважины: в 2001 году двадцать миллионов сумов выделить на восстановление неработающих, еще сто миллионов — на бурение и обустройство новых. Помощь Каракалпакстану велика. Она — на сельское и городское водоснабжение, строительство узла насосной станции на Капарасском водохранилище, установку ручных насосов, реконструкцию опреснителей для водоснабжения Муйнакского и Караузякского районов, реконструкцию водопровода в Тахтакупырском районе… Средства госбюджета и предприятий составляют около трех миллиардов сумов.

В трудную минуту и мировое сообщество выразило готовность помочь. Оно участвует в ряде проектов, например, в проекте модернизации хлопководства — выделяет средства на закупку землеройной и строительной техники, насосных станций. Есть проект “Узбекистан: чистая вода, санитария и здоровье”, предусматривающий установку ручных насосов… Займ Всемирного банка на установку двух тысяч ручных насосов составляет полмиллиона долларов. Хотелось бы, чтобы все помогали нам бесплатно. К сожалению, сумма по всем займам получается очень круглая — в сотни миллионов. Это не подарок, деньги надо возвращать. Но еще есть гранты, предоставляемые безвозмездно.

Так, на проект “Повышение уровня жизни населения Каракалпакстана” (включая развитие водоснабжения) Азиатский банк развития выделил грант в сумме свыше трех миллионов долларов. Есть еще гранты ПРООН, Японии, Швейцарии и ряд других источников.

Спасибо за деньги, выделенные на смягчение последствий маловодья. Но скольких бы трат мы избежали, если бы по всей реке от верховий до низовий был учет воды и использовалась она с толком, если бы плотины и водохранилища на реке поддерживались в должном порядке, если бы по-хозяйски содержались насосные станции, водопроводные сети, опреснительные установки, скважины, если бы государства по течению реки лучше договаривались, если бы… Их много, этих “если”. Может, и Амударья тогда б не так мелела.

Лучший сад

В Кунградском районе Каракалпакстана заработки в среднем куда выше, чем в других. Улучшают статистику газовики и железнодорожники. А все население гордится тем, что по площади район не только самый размашистый в Каракалпакстане, но и по Узбекистану — занимает пятнадцать процентов территории. Другое дело, что с зеленью тут напряженка, в основном землю занимают пустыни. Самая большая – плато Устюрт.

По плато проходит газовая труба в сопровождении пяти компрессорных станций и пяти поселков. По ней качают на экспорт узбекский и туркменский газ. А чтобы не иссякал поток, на плато ведутся изыскательские работы в расчете на новые газовые месторождения. Здесь платят неплохие деньги, но попробуй поживи в желтых песках…

Жители устюртского поселка Жаслык, живя в пустыне, выиграли по району конкурс на лучший сад. Тут и цветы выращивают. Нет лишней воды на сад и бахчу, так ее и не тратят — применяют “капельное орошение”, приспособив баклажки из-под минералки. А воду

используют амударьинскую, ту, что подается на компрессорную станцию системой насосов. Ее в обрез, но капли поят розы.
Рис каплями не напоишь. Выращивание белого зерна здесь многие десятилетия являлось главным занятием. Но вот что с ним происходило. Сначала район давал по 70 тысяч тонн. Если с урожая семья рисовода имела по одной-две тонны, то этого хватало и себе на еду, и для базара. Постепенно урожаи снизились вдвое. Почему? Поливные земли расположены в котловине, а тут обычны высокие грунтовые воды и высокое засоление почв. Каждые две недели надо менять воду на рисовом поле. Больше воды — больше соли — меньше урожаи. Но без воды рис не растет.
Два маловодных года промывать и поливать было нечем, и риса нет. Что дальше делать? Гуманитарная помощь – не панацея. Правительство от местных администраций требует создания новых рабочих мест. Местные администрации отчитываются об организации общественных работ по ремонту дорог, создании дополнительных рабочих мест в сфере быта. Очень рассчитывали на соль Барса-Кельмеса, но для пищи она не годится — добывается только для технических нужд. Рассчитывали на ввод содового завода в нескольких десятках километров от Кунграда — обеспечил бы работой две-три тысячи человек. Довели его почти до готовности, но из-за ошибок проектировщиков работы приостановлены.
Большие надежды возлагают тут на шестирядный автобан, что, соединяя Азию с Европой, пройдет по району. Тогда потребуются через каждые полсотни километров пункты обслуживания, а значит, и новые рабочие места. Но это в перспективе, а пока для большинства действует принцип “не потопаешь – не полопаешь” едва ли не в буквальном смысле. Кто-то из сельских жителей занялся разведением верблюдов, кто-то — коз, а кто – челночным бизнесом. “Челноков” выручает то, что между Кунградом и казахским Бейнеу курсируют поезда. Прежде туда и самолетами летали. Из Кунграда отправлялись с товаром, обратно — с деньгами
Товаром может быть и рыба из Сарыкамыша. Когда-то ее самолетами отсюда переправляли в Муйнак на рыбоконсервный комбинат. Сейчас из-за роста цен самолеты — без надобности, и семнадцать районных аэродромов закрыты. Но добыча рыбы реальна. Самолеты не летают, зато от райцентра до Сарыкамыша есть дорога в двести километров. Если бы рыболовецким бригадам дать мотофелюги, а для перевозки рыбы использовать не обычные бортовые машины, а специальные, если бы в Кунграде ее замораживать… Можно понемногу ослабить зависимость от монокультуры.

Дорога в Муйнак

От Кунграда до Муйнака, городка, когда-то стоявшего на берегу Аральского моря, — чуть больше ста километров. Мы ехали по пустой дороге, считая встречные машины. Их оказалось всего восемь.
Что помнят здешние старожилы? Помнят, как все вокруг кипело. Был порт, рыба, а в санатории приезжали отдыхать со всего Узбекистана. Вода в Арале казалась синей. Но на полсотни метров спускали вниз полированный диск — и он был виден. Когда море стало отступать, здешние рыбаки пытались его догнать, прокладывая по осушке каналы. Не удалось. Теперь редких экскурсантов — то из Чили, то из Штатов, Франции и Германии — возят на кладбище кораблей. А море с берега не видно, оно ушло за двести километров, и до горизонта простирается клочками зарастающее дно.
Глаз местных жителей радуют на нем вышки буровиков — поблизости от городка найден газ. Муйнакцы пока не знают, какая им от того выгода: “Его подключат к магистральной трубе”. И все-таки надеются на перемены. Тот, кто устал надеяться, уехал. Насчитывалось в районе пятьдесят тысяч жителей, осталось двадцать девять. Муйнак по-прежнему

называют городом, но его население и до четырнадцати тысяч не дотягивает. Потому и нет машин на дороге. Если бы повезли сюда рыбу…
Многие годы возили океаническую. Далеко Муйнакский рыбоконсервный комбинат от океана, а переработка ее была прибыльной. Вообще-то история у комбината давняя. Начинал он работать в 1941-м как рыбо-мясной. Так лет пятнадцать и использовал два сырья. В регионе были большие стада, и со всех окрестных районов завозили в Муйнак говядину. Затем комбинат стал сугубо рыбным. Своего пика он достиг в 1991-м, произведя 17 миллионов условных банок. Поспособствовала успеху и океаническая рыба, доставлявшаяся по железной дороге. Но потом пошел спад. Союз распался, и бывшие партнеры стали требовать расчета в валюте. От океанической в Муйнаке отказались сразу, но до 2000 года продолжали завозить кильку с Каспия.
Теперь и с ней проблемы, не политические и экономические, а экологические. Из-за нефтяных разливов микроорганизмы на Каспии “озверели”: поедают икру кильки. Так что Муйнакский комбинат полностью переключился на рыбу из внутренних водоемов. Раньше работали на комбинате более тысячи человек и в три смены. Теперь — в три раза меньше, в одну смену и одну неделю в месяц.

Ловись, рыба

На заводе есть прекрасные картины о путине: со сверкающей чешуей, веселыми, загорелыми рыбаками и синим морем. Отворачиваться от них не хочется, долго-долго бы стоять перед картинами и радоваться. Но если уж мы на заводе, отправимся по цехам.
А в цехах говорят, что главная проблема — оборудование. В ответ так и хочется воскликнуть: “Ну, ребята, вы оптимисты, рыбы ж мало, работайте как-нибудь на стареньком!” А оно и в самом деле очень старенькое. За все время существования комбината была тут всего одна реконструкция четверть века назад, когда поменяли линию обжарки. А ведь есть оборудование, рассчитанное максимум на пятнадцать, восемь, шесть лет. Чешуесъемный барабан и вовсе самодельный. Что до рыборазделочных столов, то они и через долгие годы разделки прочнее прочного. Только вот сделаны из черного металла, а надо — из нержавейки. Круглые автоклавы, где стерилизуются готовые консервы, — ростом в два с половиной метра. То, что здесь происходит, почти таинство. И просто язык не поворачивается пожелать людям и дальше работать с теми приборами, что есть. Каждый без замены срока по четыре отслужил.
А дальше что? Можно построить один новый цех в сто квадратных метров, который заменит все цехи старого комбината. Это подешевле, чем латать дыры. Но денег нет. Было время, когда в правительстве обещали хлопковолокно, которое бы комбинат продал и вырученной валютой расплатился с иностранным партнером за реконструкцию. Контракт составили, хлопковолокно не получили, и валюты нет. Может, потому, что в столице считают Муйнакский комбинат — без будущего. Правительственное решение по развитию Муйнакского района, обещанное еще в 1997 году, не принято.
Но в той же столице считают и по-другому. В Минмакроэкономстате Узбекистана весной 2001 года утвержден проект “Создание малых локальных водоемов по береговой линии моря в дельте Амударьи”. Будут локальные водоемы — будет и рыба. Но это, когда… Товарный вид она приобретает за четыре года. Мне приходилось в Каракалпакстане слышать предложения бурить скважины на дне озер, чтобы спасти молодь. “Озера из скважин надо заполнять, кому скажешь из начальства — смеются, мол, для питья воды нет, о рыбе ли говорить?! Да, говорить. Сколько скважин было пробурено на пастбищах в прошлые годы, но нет порядка, и животноводство в упадке. Но если бы вода из скважин заполняла озера, мы имели бы рыбу!”
Возможно, экономические расчеты подтвердят эти тезисы. Но это тоже будет когда… Пока

суд да дело, на Муйнакский комбинат приезжают конкуренты из США и Бельгии договариваться о начале промысла рачка артемии в Арале. Рыбы в озере из-за чрезмерной солености нет, но рачок плодится. На мировом рынке ценится, и конкуренты делят районы добычи. От комбината потребуются промывка и сушка. Будут экспортные объемы, тогда иностранцы завезут специальное оборудование по сушке и упаковке. Пока сняли в аренду охлаждаемый склад и намерены заменить холодильную установку. Комбинату в совместных предприятиях обещают пятнадцать процентов от прибыли. А на осенне-зимне-весенний сезон подрядят на промысел муйнакцев.

Дети и будущее

В Муйнаке введен замечательный бело-синий колледж. Сюда ходят многие жители и нешкольного возраста — во дворе гидрогеологи нашли пресную линзу, и муйнакцы ручным насосом из нее качают воду. Хорошая, говорят. А выбирать и не приходится. Обычно приходила по каналу из Кунграда. Там сначала заберут на орошение и на наполнение емкостей, потом пускают в Муйнак. На этом участке вода шесть дней в пути. Потом она попадает в отстойники и выручает, когда канал сухой. В августовскую жару 2001-го он был сухим весь месяц и дальше… Теперь сюда обещают протянуть водопровод из Кунграда.

Будет лучше. Тогда “я — в колледж!” станет означать основное: не за водой, а на уроки. Чем займутся мальчишки и девчонки, закончив учебу?

Наталия ШУЛЕПИНА

«Правда Востока», 20, 21, 27, 30 ноября 2001г. Книга «Несколько сюжетов на фоне маловодья», 2002г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

09.07.2009